

зуют шесть разновидностей, соответственно имеющих в своем составе придаточные предложения: времени, условия, причины, уступки, сравнения, цели. Это — традиционная классификация, имеющая свои достоинства и недостатки, но в целом приемлемая для описания структурно-семантических типов сложных предложений языка чжуан. Наиболее уязвимым местом этой классификации является деление сложносочиненных предложений на бессоюзные и союзные. Сочинение и подчинение суть синтаксические способы формирования сложных предложений посредством специальных аналитических средств, среди которых важнейшую роль играют союзы. В бессоюзных предложениях смысловое соотношение частей сложного целого выражается лексико-морфологическими и ритмико-интонационными средствами. Поэтому членение на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения допустимо лишь в сфере союзных предложений. Бессоюзные же предложения не выдерживают деления по признаку сочинения и подчинения.

Один из общих недостатков книги — слабообразованная система дефиниций: автор или совсем не приводит определений грамматических понятий или дает слишком краткие определения, а это иной раз затрудняет уяснение отличительных при-

знаков обозначаемых ими явлений. Такой подход распространяется не только на понятия, хорошо известные в грамматической науке, но и на понятия, которыми оперирует автор в процессе описания феноменов грамматической системы языка чжуан. Например, не дано определения столь своеобразной разновидности чжуанских предикативов, как интенсивные прилагательные (стр. 204), а о фразовых частицах сказано лишь, что это слова, употребляемые в исходе предложения (стр. 237).

Книга содержит немало тонких наблюдений и интересных умозаключений. Несомненным ее достоинством является наличие большого числа схем и таблиц, что делает легко обозримой систему фонологических и грамматических средств языка чжуан и в значительной степени облегчает уяснение его характерных особенностей.

В целом рецензируемая книга является удачной попыткой систематизации и научной интерпретации основных фонологических и грамматических явлений одного из своеобразных и до сего времени малоизученных языков. Она вносит существенный вклад в изучение языков Юго-Восточной Азии.

В. И. Горелов

*H. Vogt. Grammaire de la langue géorgienne.* — Oslo, Universitetsforlaget, 1971. 278 стр.

«Грамматика грузинского языка» выдающегося исследователя картвельских языков Г. Фогта является переработанной редакцией его монографии «Esquisse d'une grammaire du géorgien moderne» (Oslo, 1936). В ней отразились результаты позднейших многочисленных картвелологических исследований автора<sup>1</sup>. В результате читатель получил фактически новую книгу, хотя основные принципы анализа остались те же, что и в издании 1936 г. Рецензируемую книгу можно отнести к лучшим зарубежным трудам, посвященным вопросам структуры современного грузинского языка.

«Грамматика грузинского языка» состоит из «Введения» и «Предисловия» (стр. 1—6) и следующих глав: «Фонология» (стр. 7—16), «Склонение» (стр. 17—74), «Послелогии» (стр. 75—78), «Спряже-

ние» (стр. 79—195), «Наклонение и подчинение» (стр. 195—212), «Союзы и сочинение» (стр. 212—213), «Частицы» (стр. 213—220), «Замечания о порядке слов» (стр. 220—224), «Словообразование» (стр. 224—257). Книга снабжена индексом проанализированных слов и грамматических показателей (стр. 263—278).

В главе «Фонология» кратко характеризуются вокализм и консонантизм современного грузинского литературного языка, рассматриваются основные вопросы дистрибуции фонем и ударения. Установлены также фоностатистические черты грузинского языка.

Здесь же содержатся интересные наблюдения по фонетике грузинского языка. Так, например, Г. Фогт справедливо указывает на стабильность фонетической реализации согласных грузинского литературного языка: влияние соседних гласных на произношение согласных является минимальным. Автор обращает внимание на наличие позиционных вариантов согласных фонем /n/ и /r/ — на велярную реализацию /n/ перед заднеязычными фонемами и на глухой вариант фонемы /r/ после глухих согласных (стр. 12—13),

<sup>1</sup> См. например: H. Vogt, Alternances vocalique en géorgien, NTS, XI, 1939; e го же, Suffixes verbaux en géorgien ancien, NTS, XIV, 1947; e го же, Le système des cas en géorgien ancien, там же.

Грузинской фонотактике Г. Фогт посвятил монографическое исследование<sup>2</sup>, поэтому в «Грамматике грузинского языка» по этому вопросу сказано сравнительно мало. На стр. 14, основываясь на дистрибутивных данных, автор указывает на возможность монофонематической интерпретации некоторых комплексов согласных фонем: dg, žg, žg, dγ, žγ, tk, ck, čk, cč, čk, tč, čq.

Представляется интересным наблюдение автора, что в комплексах rk, pt, tk и т. п. аспирация характерна лишь для вторых компонентов этих комплексов. Это подтверждается формами вроде *bckvni* вместо *pkvni*, которые нередко обнаруживаются в письменном языке (стр. 11). На стр. 10 Г. Фогт замечает, что имевшаяся в фонематической системе древнегрузинского языка велярная смычная /q/ начиная с XIV в. перешла в /x/. Некоторые факты, выявленные в последнее время в памятниках древнегрузинского языка позволяют предположить, что в живой речи, которая была основой грузинского литературного языка в X—XV вв., переход /q/ > /x/ осуществился довольно рано.

В главе «Склонение» (стр. 17—74) Г. Фогт подробно описывает все наиболее характерные явления склонения имен и одновременно указывает на те отклонения от норм, которые наблюдаются при склонении некоторых основ. В современном грузинском литературном языке им выделяется семь падежей: звательный, именительный, дательный, повествовательный (эргативный), родительный, творительный и обстоятельный. Автор указывает на наличие так называемых «кратких» и «длинных» алломорф падежных окончаний (стр. 20—21), формулирует основные правила дистрибуции этих алломорф (стр. 32—34). Г. Фогт первым отметил фонологический характер процессов, имеющих место при склонении некоторых типов имен существительных. Он установил, что редукция гласных *a* и *e* имеет место при склонении таких односложных имен существительных, которые в аналауте имеют комплексы согласных фонем, например, *mčr-i* «враг», *mčr-is(a)* «врага»; в односложных же основах, которые начинаются одним лишь согласным, гласные *a* и *e* обычно не подвергаются редукции (стр. 22—24). В многосложных основах, оканчивающихся на сонантные фонемы, эти гласные, как правило, редуцируются без всякого ограничения (стр. 23—24). Г. Фогт обращает внимание и на такой факт: в слове *ymert-i* *e* не редуцируется, если им обо-

значается языческий бог, но когда оно обозначает христианского бога, *e* обычно выпадает (стр. 25).

Односложные слова, оканчивающиеся на *-o*, в род. падеже принимают окончания *-is*, в твор. *-it*, а многосложные — *-s* и *-t* (стр. 26).

В монографии подробно описываются способы образования мн. числа имен. Дело в том, что суффиксы *-n* и *-t(a)*, распространённые в древнегрузинском литературном почти во всех случаях вытеснены суффиксом *-eb*. Глаголы согласуются в числе с именами, на мн. число которых указывают суффиксы *-n* и *-t(a)*, но не согласуются в числе с именами, мн. число которых обозначается посредством суффиксов *-eb* (стр. 30—32).

Далее описываются правила склонения атрибутивного слова вместе с определяемым (стр. 34—38), рассматриваются подгруппы местоимений и их довольно сложное склонение (стр. 38—56), образование числительных и их склонение (стр. 56—58).

Функции падежных форм современного грузинского литературного языка впервые в картвелологии с такой полнотой изучены автором рецензируемой работы (стр. 58—66).

В системе склонения имен Г. Фогт выделяет основные и вторичные падежи. Вторичными падежами (их насчитано 11) названы падежные формы с послелогам (стр. 67—74)<sup>3</sup>. Однако на синхронном уровне в некоторых из этих форм (например, *cqarostan* «у родника», *saxlivit* «подобно дому») легко выделяются основы (*cqaro-*, *saxl-*), окончания падежей (*-s* — дат. падеж, *-i* — им. падеж) и послелого (*tan*, *vit*).

Нам кажется, что нет основания для сегментации формы обстоятельного падежа *man-ad* (стр. 28); такая сегментация вызывает ряд возражений как с синхронической, так и с диахронической точки зрения.

Основная часть «Грамматики» (стр. 79—195) посвящена анализу глагола. Описывая дистрибуцию алломорф субъектного и объектного лиц в современном грузинском литературном языке, Г. Фогт отмечает, что показатель 2-го субъектного лица здесь, как правило, отсутствует (лишь изредка встречается префиксы *-h*

<sup>3</sup> О вторичных падежах в современном грузинском литературном языке см. также: А. Г. Ш а н и д з е. Основы грузинской грамматики, I, Тбилиси, 1953, стр. 73—76 (на груз. яз.); Г. А. К л и м о в, Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, М., 1962, стр. 14; ср.: А р н. Ч и к о б а в а, К вопросу о послеложных падежах грузинского языка, «Вопросы структуры картвельских языков», II, Тбилиси, 1961, стр. 197—209 (на груз. яз.).

<sup>2</sup> H. V o g t, Structure phonemique du géorgien, NTS, XVIII, 1958. Эта работа переведена на грузинский язык и вышла в свет отдельной книгой в Тбилиси в 1961 г.

и *s-*, а также *x-*; последний имеется лишь в трех глагольных основах; *x-ar* «ты есть», *x-val* «ты идешь», *x-ved* «ты пришел»). Исследованы возможные комбинации показателей субъектного и объектного лиц (стр. 84—87).

Классифицируя глагольные формы (стр. 87—90), Г. Фогт указывает, что в системе спряжения грузинского глагола ведущая роль принадлежит категориям времени и аспекта (стр. 87). По этим фундаментальным категориям спрягаемые формы делятся на три группы: 1) формы продолжительного аспекта; 2) формы пунктуального аспекта; 3) формы результативного аспекта, вторичного образования от форм 1 и 2-й групп. Так, *çers* «пишет» (1 группа) и *daçeria* «оказывает», он написал», «является написанным им» (3 группа) считаются формами настоящего времени, противопоставленными по аспекту: первая является формой продолжительного аспекта, а вторая — формой результативного аспекта. Формы прошедшего времени признаются также отличающимися друг от друга по аспекту: *çerda* «он писал» (*imparfait*) — форма продолжительного аспекта; *daçera* «он написал» (*aorist*) — пунктуального аспекта; *daeçera* «писал(бы)он» («*plusqueparfait*») — результативного аспекта. В составе каждой из трех названных групп намечено противопоставление детерминированных и недетерминированных форм, но это противопоставление является менее четким; основной категорией, доминирующей над всей системой спряжения, является категория аспекта (стр. 180).

В рецензируемой книге не вычленяется группа (или подгруппа) будущего времени. По мнению Г. Фогта, наличие и отсутствие превербов во всех трех группах указывает на противопоставление глагольных форм по признаку определенности — неопределенности (стр. 87).

Анализируя принципы спряжения глаголов в грузинском, Г. Фогт выделяет семь классов спряжения переходных глаголов и рассматривает подгруппы непереходных глаголов: префиксальную и суффиксальную, а также безаффиксальные непереходные глаголы, указывает на особенности, характеризующие спряжение отдельных глаголов.

Г. Фогт усматривает две разновидности аориста: 1) сильный аорист и 2) слабый аорист. Сильный аорист характеризуется отсутствием тематического суффикса и аблаутом гласного (*a* или *e*, принадлежащие к основе, чередуются с нулевой ступенью). Слабый аорист принимает тематический суффикс *e* при отсутствии чередования гласных (стр. 91—92). Отмечается, что аблаут *e/i* имеет место в аористе всех переходных глаголов, которые принимают суффиксы *-en* и *-ev*. В остальных же глаголах чередование *e/i* обуславливается фонологически: 1) если аблаут глагольной основы состоит из сочетания

шумных согласных, чередование *e/i* имеется; 2) если глагольная основа начинается с одного согласного, аблаута нет; 3) если же в аблауте за согласным следует *v*, аблаут может быть, а может и отсутствовать (стр. 95).

В «Грамматике» большое внимание уделяется категории версии, причем устанавливаются следующие разновидности этой категории: субъектная, объектная, нейтральная и локальная (стр. 118—127). Несмотря на то, что у глагола *izam* «ты сделаешь для себя» нет аориста, Г. Фогт все же считает его переходным потому, что здесь имеется префикс субъектной версии *i* (стр. 112), а, как известно, наличие субъектной версии свойственно лишь переходным глаголам. Подробно рассматриваются значение и образование каузатива (стр. 127—133).

Особо изучаются средние глаголы с учетом формальных признаков, свойственных им: эти глаголы имеют формы только настоящего времени (стр. 133), в большинстве случаев не принимают превербов (стр. 134—135), а при наличии превербов они не в состоянии образовать противопоставление настоящего и будущего времени (стр. 135). Средние глаголы делятся на псевдоактивные и псевдопассивные. В грузинских грамматиках эти подгруппы противопоставлялись друг другу по синтаксическим признакам. Автор же указывает на формальные признаки, по которым можно разграничить средние глаголы на две группы (стр. 136—145).

Спряжение средних глаголов описывается на стр. 145—154, далее исследуется противопоставление непереходных глаголов по признаку статичности — динамичности (стр. 154—162).

Г. Фогт рассматривает так называемую группу перфекта, указывает на особенности спряжения переходных и непереходных глаголов, освещает вопросы формообразования и некоторые оттенки глагольных форм этой группы (стр. 163—172).

В рецензируемой книге освещаются вопросы структуры и функций превербов (стр. 173—180), которые в научной литературе не раз были объектом изучения, и тем не менее в разработку столь изученного вопроса автор смог внести много нового. Прежде всего, он выделяет две группы превербов: в первую группу объединены простые превербы *mi-*, *mo-*, *da-*; вторая группа состоит из остальных превербов с простыми и сложными вариантами, например, *a-/amo-*, *ça-/çamo-* (стр. 172—173). Указаны некоторые оттенки, придаваемые глагольным формам отдельными превербами, например, превербы *ga-*, *gamo-* обычно образуют оппозицию по признаку направления, но иногда противопоставление этих превербов имеет иной характер: *gaaketa* «сделал», но *gamoaketa* «исправил» (стр. 177); преверб

*gada-* может обозначать повторяемость действия: *gadaibečda* «был перепечатан» (стр. 179) и др.

Вопросы словообразования рассмотрены на стр. 225—257, где описаны основные модели именного и глагольного словообразования.

Основные вопросы синтаксиса в рецензируемой монографии освещены при рассмотрении глаголов и частиц. Такой способ анализа согласуется с практикой дескриптивного языкознания — нестрогого разграничения морфологии и синтаксиса, а также оправдывается тем, что глагол в грузинском языке является ядром предложения (часто он — эквивалент целого предложения).

Одной из особенностей рецензируемой книги является постоянное внимание к формам живой речи, изучение взаимоотношения литературного языка и живой речи. В частности, намечены диалектные ареалы ряда грамматических форм. Например, редукция гласных присуща главным образом восточногрузинским диа-

лектам (стр. 22); так называемые «длинные» алломорфы падежных окончаний встречаются в восточногрузинских диалектах, «короткие» же — в западногрузинских (стр. 34). Приводятся интересные статистические данные относительно распространения форм превосходной степени имени прилагательного в литературном языке (стр. 237).

Не все выводы и предположения, которые имеются в рецензируемой монографии, приемлемы для грузинских языковедов, тем не менее их необходимо принимать во внимание.

«Грамматика грузинского языка» бесспорно займет почетное место в истории изучения кавказских языков. Монография Г. Фогта, характеризующаяся ясностью изложения и насыщенностью новыми идеями, имеет значение не только для зарубежных лингвистов, интересующихся вопросами грузинского языка, но и для советских специалистов-картвелологов.

З. А. Сарджвеладзе